

**РОЛЬ ИНГУШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ***Б. М. Ужахов***THE ROLE OF THE INGUSH NATIONAL MOVEMENT
IN THE FORMATION OF THE REPUBLIC OF INGUSHETIA***B. M. Uzhakhov*

В данной статье в контексте событий, происходивших в стране во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX века, освещены причины, особенности и место ингушского национального движения в целом и его отдельных представителей в частности в образовании современной Республики Ингушетия. Тема ингушского национального движения затрагивалась в работах многих ингушских авторов. Однако в этих работах это движение упоминается или в контексте событий происходивших в республике в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, или же упоминается о роли отдельных представителей национального движения. Здесь же рассматривается именно само ингушское национальное движение как фактор изменивший будущее народа.

The paper focuses on the causes, characteristics and place of the Ingush national movement as a whole and its individual members in particular for the formation of the modern Republic of Ingushetia in the context of the events that took place in the country in the second half of the 1980s – early 1990s covered. The topic of the Ingush national movement was addressed in the works of many Ingush authors. However, those works either mention the movement in the context of the events that occurred in the Republic in the late 1980s – early 1990s XX century or refer to the role of individual members of the national movement. In contrast, this paper considers the Ingush national movement as a factor that changed the people's future.

Ключевые слова: ингушское национальное движение, перестройка, съезд ингушского народа, Народный Совет Ингушетии, Закон о реабилитации репрессированных народов, Закон об образовании Ингушской Республики в составе РФ.

Keywords: Ingush national movement, *perestroika*, Congress of the Ingush people, the People's Council of Ingushetia, Law on rehabilitation of repressed peoples, Education Act of the Ingush Republic of the Russian Federation.

Наступление бурных общественно-политических перемен в СССР в 1985 г. ингушское общество, как и весь Советский Союз, встретило с большими надеждами и ожиданиями. В первые годы перестройки эти надежды в основном связывались с улучшением положения в социально-экономической области. Однако по мере нарастания процесса десталинизации в советском обществе в ингушской среде начали расти и крепнуть настроения необходимости активизации борьбы за права ингушского народа, погранные в годы сталинщины и не восстановленные даже в период половинчатой реабилитации в период хрущевской «оттепели». В этот же период активизировалось в целом общественное движение Ингушетии.

Тема ингушского национального движения затрагивалась в своё время во многих работах. Внимания заслуживают мемуары и другие работы таких активных участников этого движения, как Б. Богатырёв, Б. Сайнароев и др. Это тему не обходили стороной в трудах по истории Ингушетии при описании периода образования современной Ингушетии. Один из таких трудов – это «История Ингушетии», выпущенная Ингушским НИИ. Однако в этих и других работах упоминается или о роли отдельных представителей национального движения, или же это движение упоминается в контексте событий, происходивших в республике в конце 80-х – начале 90-х годов. Здесь же акцент сделан именно на само ингушское национальное движение как фактор изменивший будущее народа.

Ингушское национальное движение ставило перед собой две основные задачи. Во-первых, восстановление ингушской государственности в рамках Ингушской автономной области или республики, и, во-вторых, ликвидацию последствий сталинской депортации 1944 г., полную правовую, территориальную и другую реабилитацию ингушского народа.

Одной из главных особенностей этого движения было то, что оно являлось неоднородным по своему социальному составу. Если в прежние годы в основном в его ряды вступали представители научной и творческой интеллигенции, то с наступлением перестройки оно стало гораздо шире. К нему подключилась наиболее передовая часть национальной интеллигенции, учащейся молодежи, возрождающееся духовенство.

Особенностью национального движения конца 80-х – начала 90-х гг. явилось то, что оно «вышло из подполья», стало легальным благодаря политике политического плюрализма и гласности, ставшей официальным внутривнутриполитическим курсом Советского государства в этот период. Это сделало возможным небывалое прежде явление – участие в работе общественных организаций, борющихся за национальное возрождение, партийных и комсомольских активистов, советских работников ингушских районов ЧИАССР. Таким образом, в общественном движении данного периода отмечался максимальный национальный консенсус, небывалый с начала века. Оно проникло во все слои ингушского общества.

Другой особенностью можно считать его массовость. Митинги и массовые акции, устраиваемые активистами национального движения в 1988 – 1991 гг., собирали временами десятки тысяч человек, что для народа, насчитывавшего в то время около 300 тыс., являлось очень большой цифрой. Так, например, общингушский митинг в Назрани в марте 1990 г. собрал, по некоторым оценкам, до 100 тыс. чел., т. е. действительно все тогдашнее взрослое население ингушских районов ЧИАССР.

В середине 80-х гг. ингушское общество, как и вся советская страна, вступило в новый, важнейший этап исторического развития, который ознаменовался началом перестройки и демократизации после прихода к власти М. С. Горбачева.

Провозглашение в 1987 г. политики гласности как одного из неотъемлемых элементов перестройки способствовало оживлению интереса в обществе ко многим замалчивавшимся ранее и находившимся в общественном сознании под негласным табу историческим темам, особенно к таким, которые относились к недавнему прошлому советского общества. Актуальным становится тема реабилитации жертв сталинизма. Разумеется, не могла эта тенденция обойти и вопросы реабилитации репрессированных народов. Процесс этот на конец 80-х гг. по-прежнему оставался незавершенным.

В мае 1988 г. была создана Инициативная группа в поддержку перестройки «Нийсхо» (Справедливость), которая впоследствии (в декабре 1989 г.) преобразовалась в Демократическую партию «Нийсхо» (председатель Иса Кодзоев) [7, с. 448].

В октябре 1988 г. протесты ингушей против дискриминации вылились в обращение ингушского народа к руководителям ЦК КПСС и Советского правительства. 24 октября 1988 г. в ЦК КПСС было передано Обращение ингушского народа с просьбой о восстановлении ингушской автономии, под которым подписались 8 тыс. чел. В январе 1989 г. в Назрани было образовано культурно-историческое общество «Даькъасте» («Отчизна») (председатель Малика Местоева). Важным этапом политической мобилизации ингушей стали митинги в Назрани и в селах Пригородного района в феврале 1989 г. в связи с 45-летием депортации.

В конце марта 1989 г. инициативная группа «Нийсхо» начала сбор подписей под обращением «За Ингушскую АССР». 13 апреля 1989 г. в Верховный Совет СССР, ЦК КПСС и Советское правительство было передано Обращение ингушского народа с требованием создать Ингушскую республику с административным центром в г. Орджоникидзе (Владикавказе), с объединением всех исторически сложившихся ингушских территорий, под которым подписалось 51 212 человек [7].

В декларации об образовании «Нийсхо» прямо указывалось, что большая часть территории, на которой до 1944 г. проживали ингуши, отторгнута в пользу Северной Осетии, и перед «Нийсхо» ставилась цель восстановления мирным путем Ингушской автономии в ее исторических границах. Инициативная группа «Нийсхо» требовала возвращения земель, основываясь

при этом на советских и российских законах, но никаких вооруженных формирований не имела.

В сентябре 1989 г. в Грозном состоялся II Съезд ингушского народа. На нем вновь были озвучены идеи о необходимости скорейшего восстановления ингушской государственности. Вместе с тем было отмечено, что «некоторые ответственные лица упорно высказываются о неоправданности восстановления ингушской автономии, поскольку на территории западных районов ЧИАССР, где преимущественно проживают ингуши, нет соответствующего потенциала, способного обеспечить экономическую самостоятельность будущей республики и соответствующий жизненный уровень ее населения» [3, с. 37]. На съезде ингушского народа был образован Оргкомитет по восстановлению Ингушской автономии состоявший из 31 человека (председатель Иса Кодзоев, с декабря 1989 г. – Бексултан Сейнароев) [11, с. 32]. Этот Оргкомитет по существу стал мозговым центром национального движения, штабом создателей республики.

6 – 14 марта 1990 г. в Назрани прошел стотысячный митинг, на котором вновь была подтверждена воля народа. Инициатором митинга явилось культурно-историческое общество «Даькъасте». Поводом к митингу стала провокационная статья журналистов Грачева и Халина в газете «Правда» от 5 марта 1990 г. под заголовком «Кунаки всегда поладят». Главным партийным органом печати было продолжено искажение сути требований ингушского народа. Причина, по которой люди собрались в Назрани, была в другом – в том, что на протяжении более года центральные власти делали вид, что не существует ингушского вопроса. Помимо уже упомянутого обращения в верховные органы власти СССР, подписанного более чем 50 тысячами ингушей, в мае – июне 1989 г. делали депутатские запросы народные депутаты СССР М. Дарсигов и Х. Фаргиев. Документы Второго съезда ингушского народа в Грозном также были переданы в центральные органы власти, как государственные, так и партийные. Кроме того, ингуши тысячами посылали частные и коллективные письма и обращения с просьбой справедливо решить вопрос о восстановлении ингушской автономии, с возвращением отторгнутых в 1944 г. территорий. Вместо ответа в самых разных органах печати стали появляться материалы, искажающие суть требований ингушского народа. Восемь суток стоял народ на площади, получившей в результате митинга название Площадь Согласия (Барт-ЦхьоагӀон Майда), требуя определить конкретные сроки решения ингушского вопроса, восстановить историческую справедливость [1, с. 2 – 3].

В резолюции митинга от 12 марта 1990 г., направленной в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет министров СССР и РСФСР говорилось: «100 тысяч ингушей, собравшиеся для обсуждения проблем национального возрождения ингушского народа, седьмые сутки, продолжая требовать демократическим путем восстановления своей государственности, решают: 1) объявить общенациональную трехдневную предупредительную забастовку ингушского народа; 2) при отказе удовлетворить указанные требования

или при отсутствии приемлемого для ингушского народа соглашения продолжить общенациональную забастовку; 3) добиваться привлечении внимания мировой общественности к проблеме ингушского народа» [4, с. 5 – 6].

13 марта на третьем заседании внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР депутат С. Хаджиев затронул в своем выступлении происходящие в Ингушетии события. В ответ на его выступление председательствующий на заседании М. С. Горбачев предложил создать комиссию Совета национальностей ВС СССР для изучения ситуации на месте, чтобы затем внести предложения в ВС СССР. Большинство членов координационного совета митинга решили, что митинг достиг своей цели, и предложили собравшимся разойтись, что и было сделано 14 марта.

По мере усиления требований ингушской стороны о восстановлении справедливости в отношении ингушского народа в Северной Осетии государственными и общественными структурами, различными неформальными организациями делалось все возможное для того, чтобы Пригородный район оставался в составе СОАССР, как отмечает заключение Генпрокуратуры РФ, в некоторых случаях и с нарушением законодательства РФ. Так, в резолюции митинга, состоявшегося в г. Владикавказе 7 апреля 1990 г., указывалось: «Сознавая всю опасность создавшегося положения, вызванного территориальными претензиями неформальных объединений ингушей на Пригородный район и правобережную часть г. Орджоникидзе... участники интернационального митинга трудящихся Северной Осетии считают необходимым заявить: в соответствии с положениями Конституций СССР и СО АССР... и с учетом волеизъявления абсолютного большинства граждан СО АССР территория последней является неприкосновенной и не может быть изменена ни под каким предлогом» [12, с. 27].

Аналогичной позиции придерживались все государственные структуры Северной Осетии и руководство Республики.

14 сентября 1990 г. Президиумом ВС СОАССР было принято постановление «Об общественно-политической ситуации в республике». Пунктом 3 этого постановления был запрет (мораторий) на прописку и продажу домов приезжающим в республику гражданам. 23 сентября 1990 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СОАССР «О временном ограничении механического прироста населения на территории СОАССР» [7, с. 451]. Указанные законодательные акты противоречили действующему законодательству и являлись препятствием для возвращения граждан в места прежнего проживания. Ингушское население обоснованно восприняло эти шаги как ущемление своих прав.

Если говорить о причинах и механизмах развития ингушского национального движения в период конца 80-х – начала 90-х гг., то необходимо отметить, что истоки и корни этого движения происходили из трагической истории ингушского народа в предшествующее столетие, из нерешенного груза проблем и противоречий, которыми было отягощено ингушское

общество на момент вступления всей страны в период ее истории, названный перестройкой. Другими словами, истоки и движущие силы национального движения не были чем-то привнесенным извне. Они развивались на ингушской почве за счет эксплуатации проблем, действительно стоящих перед ингушским народом и обществом в этот непростой период. И то, что столь организованным и мощным это движение стало именно в данный период, не значит, что ранее не было причин или почвы для его развития. Достаточно вспомнить события 1957 или 1973 гг. для того, чтобы убедиться, что это совсем не так. Но именно в момент начала перестроечных процессов СССР, всколыхнувших все советское общество, долгое время находившееся в состоянии стагнации, искусственной консервации, в том числе и консервации проблем, на волне энтузиазма и духовного подъема, охватившего страну, громкое озвучивание проблем, стоящих перед репрессированными народами, было более чем объяснимым. И неслучайно борьба за реабилитацию репрессированных народов стала одной из самых заметных и важных вех перестроечного процесса в целом.

13 августа 1990 г. вышел указ Президента СССР М. С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20 – 50-х гг.».

16 октября 1990 г. на заседании Совета национальностей Верховного Совета СССР обсуждалась проблема восстановления автономии ингушского народа. В выводах комиссии говорилось: «Требования ингушского населения о возвращении ЧИАССР Пригородного района в его границах до 1944 г. и других территорий, входивших в состав Чечено-Ингушской АССР, имеют основания».

Если же обратиться к роли и месту ингушского общественного движения за восстановление поправных прав народа в советской и российской внутренней политике конца 80-х – начала 90-х гг., то становится ясно, что и в этом плане роль и значение процессов, происходивших вокруг проблемы репрессированных народов, и конкретно вокруг ингушского народа, нельзя недооценивать. В некоторых, в том числе и ключевых, моментах новейшей российской истории влияние это становилось даже определяющим. Так, например, произошло в мае 1990 г. во время выборов Председателя Верховного Совета РСФСР, когда позиция ингушских и чеченских депутатов Верховного Совета привела к победе Б. Н. Ельцина, что вне всякого сомнения оказало если не решающее, то в любом случае огромное воздействие на дальнейшую судьбу как Советского Союза, так и России [2, с. 80].

27 ноября 1990 г. внеочередная сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской республики приняла декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики. Статья 17 Декларации подтверждала право ингушей на восстановление своей автономии. Представители общественных движений, руководство Малгобекского, Назрановского, Сунженского районов Ингушетии выразили свое несогласие с той частью декларации, которая предусматривала выход Чечено-Ингушетии из состава России.

Между тем ингушский вопрос становился чем дальше, тем сильнее втянут в общую систему политических взаимоотношений между союзным и российским центром. Особую остроту и значимость в этих условиях приобрела предвыборная кампания по выборам Президента РСФСР. В марте 1991 г. Б. Н. Ельцин, считавшийся кандидатом от демократических сил, посетил Северный Кавказ. В своих выступлениях в Назрани и Владикавказе он дал фактически взаимоисключающие обещания собравшимся на митинги ингушам и осетинам касательно проблем реабилитации репрессированных народов.

В данный период резко обострилась внутривнутриполитическая ситуация в СССР. Рост напряженности в стране, связанный с экономическим кризисом, усиливающимися межнациональными конфликтами, накладывался на усиливавшееся противостояние центра и республик, грозившее привести к развалу страны. При этом все более теряющее контроль над ситуацией союзное правительство предпочитало реагировать на вспыхивавшие по всей стране очаги разнообразных конфликтов лишь постфактум, вместо того, чтобы заниматься их эффективной профилактикой. При этом предлагались взаимоисключающие варианты реакции на ухудшающееся положение в стране – от предложенной радикально ускорить процессы демократизации до требований «закрутить гайки» и пресекать надвигающийся развал страны. К середине 1990 г. стало очевидным, что руководство страны склоняется скорее к последнему варианту. Под термином «экстремисты» стали огульно понимать всех поднимающих вопросы, связанные с изживанием наследия сталинского режима. Возможно, с опасениями союзных властей вызвать новую волну межнациональных конфликтов была связана тенденция к замалчиванию даже в период разгара перестройки требований ингушского национального движения, а также отказ от принятия на союзном уровне законодательного акта, который позволили бы провести комплекс мероприятий по реабилитации репрессированных народов. В результате в 1989 – 1990 гг. мероприятия о реабилитации в общесоюзном масштабе свелись в основном к признанию преступности депортации народов и осуждению ее на государственном уровне, как это можно проследить на примере Декларации о реабилитации жертв политических репрессий. Однако в целом и основном ингушская общественно-политическая элита, как и все репрессированные народы, связывала свою будущность с победой российской демократии. С весны 1990 г. в условиях фактического игнорирования федеральным центром проблем их ориентация во все более усиливающимся внутривнутрироссийском противостоянии стала однозначно продемократической. В июне 1991 г. на выборах президента ингушские районы ЧИАССР отдали Ельцину наибольший процент голосов.

Закон о реабилитации репрессированных народов был принят Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 г. Он предусматривал полную, в том числе и территориальную реабилитацию народов, подвергшихся депортации в сталинский период [5]. При этом специалисты возражали скептикам, ссылавшимся на

ст. 84 Конституции СССР и ст. 80 Конституции РСФСР, гласившие, что «территория автономной республики не может быть изменена без ее на то согласия», и резонно указывали, что эти статьи касаются только собственно территории республик, а не тех территорий, которые насильственно к ним присоединены в годы сталинщины [8]. Впоследствии Закон о реабилитации репрессированных народов остался невыполненным. В дополнение к нему был принят Закон Российской Федерации об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации, ст. 1 которого предполагала установление переходного периода по государственно-территориальному разграничению в РФ до 1 июля 1995 г.

В октябре 1991 г. власть в Грозном захватили сторонники отделения от России во главе с Д. Дудаевым. Был провозглашен суверенитет Чеченской республики. В этих условиях перед ингушским национальным движением встала необходимость выбора: по какому пути идти в дальнейшем ингушскому народу и обществу? Это подтолкнуло Оргкомитет к проведению третьего съезда ингушского народа. Он состоялся 6 – 7 октября 1991 г. в г. Грозном. Съезд создал Народный Совет Ингушетии (НСИ), возглавляемый Президиумом. Территориальные организации НСИ имелись во всех районах компактного проживания ингушей, в том числе и в Пригородном районе. Председателем НСИ стал доктор юридических наук Б. М. Сейнароев [11, с. 36]. Решением съезда всем ингушским движениям, партиям, общественным организациям, а также официальным государственным органам, было предложено «все вопросы, связанные с восстановлением территориальной целостности и государственности Ингушетии, впредь согласовывать с Народным Советом Ингушетии» [6].

Чтобы окончательно решить вопрос о будущем ингушей, Оргкомитетом по восстановлению автономии был организован общенациональный митинг в Назрани в октябре 1991 г., в котором приняли участие, по некоторым данным, до 115 – 120 тыс. человек, т. е. все взрослое население Ингушетии [2, с. 81]. Митинг высказался за провозглашение Ингушской республики в составе России на своей исторической территории с центром в правобережной части г. Владикавказ и вынес этот вопрос на референдум народа, который должен был состояться 30 ноября 1991 г. На референдум был вынесен единственный вопрос: «Вы за создание Ингушской Республики в составе РСФСР с возвратом незаконно отторгнутых ингушских земель и со столицей в городе Владикавказе?». В голосовании приняли участие 97 % избирателей ингушских районов, из которых 92,5 % высказались «За».

Характерная же черта ингушского референдума заключалась, как уже отмечено выше, в нескрываемой заинтересованности его организаторов в обратном – сохранении Ингушетии в составе единого российского государства. И такой выбор приоритетов осенью 1991 г. был сделан именно народом, поскольку в силу приведенных выше доводов становится очевидным, что народное представительство в управлении рай-

онами будущей Ингушской республики в период безвластия осени 1991 г. было, пожалуй, максимальным. Но и вставшие во главе ингушского общества в этот переломный момент деятели также были четко ориентированы на сохранение Ингушетии в российском правовом поле. Альтернативы этому в тот момент всерьез никем не озвучивались. Власть, установившаяся в стране в историческом 1991 г., воспринималась ингушами как «своя» власть, точно так же как когда-то в 1918 – 1920 гг. таковой им виделась власть большевиков, пришедшая на смену царскому режиму.

Только 5 февраля 1992 г. в результате настойчивой работы ингушских депутатов и представителей общественности Президент РФ Б. Н. Ельцин внес в Верховный Совет РФ законопроект о преобразовании Чечено-Ингушской Республики в Чеченскую и Ингушскую республики в составе Российской Федерации [10, с. 27]. 4 июня 1992 г. ВС РСФСР принял Закон «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» и Постановление «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации». Принятие Закона требовало от федерального центра реальных действий по его выполнению. Было необходимо создать временные органы власти, способные начать процесс формирования Ингушской республики. В этой связи Президиум ВС РСФСР назначил Представителем Верховного Совета в Ингушской Республике депутата ВС генерала армии В. Ермакова. Представителем Президента РФ по Ингушетии был назначен государственный советник юстиции И. Костоев. Однако вплоть до трагических событий осени 1992 г. так и не был назначен глава администрации Ингушской Республики [10, с. 28].

Таким образом, благодаря самоотверженной и упорной борьбе ингушского национального движения, интеллигенции, общественности, органов власти в ингушских районах ЧИАССР, всего ингушского народа, продолжавшейся на всем протяжении второй половины 80-х – начала 90-х гг., в июне 1992 г. стало возможным воплощение многолетней мечты ингушского народа – восстановление ингушской национальной государственности. Активное участие в движении за восстановление ингушской государственности приняли Муса Дарсигов, Бембулат Богатырев, Хамзат Фаргиев, Ибрагим Костоев, Исса Кодзоев, Бексултан Сейнароев, Ахмед Куштов, Зяудин Богатырев, Дауд Хамхоев, Богдан Барахоев, Магомед Илиев, Магомед Буружев,

Якуб Медов, Ваха Хамхоев, Нурдин Кодзоев, Магомед Тимурзиев, Беслан Костоев, Султан Хамчиев, Джабраил Куштов, Якуб Куштов, Федор Боков, Муса Яндиев, Хажимурат Костоев, Алихан Даскиев, Магомед-Рашид Плиев, Башир Чахкиев, Беслан Котиков, Магомед Ахильгов, Сейт-Салим Ахильгов, Абдул-Хамид Гантемиров, Ахмед Цуров, Башир-Хаджи Аушев, Ахмед-Хаджи Пошев, Сулумбек-Хаджи Евлоев, Аслан Кодзоев, Бек Абадиев и многие другие.

О заслугах лидеров ингушского национального движения в полной мере высказался в день принятия закона «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» первый заместитель Председателя ВС РФ С. Филатов: «Ингушские лидеры не сделали ни одной ошибки на пути восстановления государственности своего народа. Они действовали в высшей степени грамотно, конкретно в рамках парламентской и дипломатической этики и российских законов, а потому им нельзя было отказать. Я восхищён манерами поведения этих людей. Ингуши могут гордиться своими лидерами» [9, с. 33].

Однако люди, сделавшие так много для создания Ингушской Республики, оказались несправедливо забыты и отодвинуты даже не на вторые роли. Один из основателей Республики Б. Сейнароев в своей книге «На трудном пути создания Ингушской Республики» пишет об этом так: «Поводом для серьёзных размышлений является и тот факт, что ни один из активных участников создания Республики не был назначен на должность в её руководстве. При этом необходимо помнить, что в организационном комитете по возрождению ингушской государственности и в Народном Совете Ингушетии были сосредоточены лучшие силы ингушского общества: профессора, доктора и кандидаты наук, опытные организаторы из числа партийных работников, руководители предприятий, журналисты, инженеры, экономисты, юристы, духовные лица» [11, с. 29].

Спустя всего несколько месяцев после провозглашения республики разразилась трагедия осени 1992 г. в Пригородном районе и Владикавказе, унесшая жизни сотен наших соотечественников, лишившая крова и возможности жить на своей родине десятки тысяч других. Ликвидация последствий этой трагедии, так же как преодоление множества других старых и вновь возникших проблем – основное содержание первых лет существования новой Ингушетии.

Литература

1. Балаев М. Национальная забастовка // Дош. 1990. № 2(4).
2. Богатырев Б. Образование государственности ингушского народа // Точка зрения. Назрань, 2006.
3. Второй съезд ингушского народа. Документы и материалы. Грозный, 1990. 224 с.
4. Документы, принятые на митинге ингушского народа // Дош. 1990. № 2(4).
5. Закон РСФСР о реабилитации репрессированных народов // Советская Россия. 07.05.1991.
6. Ингушское слово. 1991. Ноябрь.
7. История Ингушетии. ИНИИГН им. Ч. Ахриева. Магас, 2011. 486 с.
8. Коваленко А. Восстановление исторической справедливости // Независимая газета. 4.06.1991.
9. Костоев Б. Преданная нация. М., 1995. 112 с.

10. Сампиев И. Политическое самоопределение ингушского народа в постсоветский период: исторические, политические и социально-политические факторы // Актуальные социально-политические и этнокультурные проблемы Ингушетии: сб. науч. ст. Магас, 2007.
11. Сейнаров Б. М. На трудном пути создания Ингушской Республики. М., 2012.
12. События октября – ноября 1992 г. в интерпретации Генеральной прокуратуры РФ. Назрань, 2006.

Информация об авторе:

Ужахов Бекхан Магомедович – аспирант Ингушского государственного университета, Россия, bechan2014@yandex.ru.

Bekhan M. Uzhakhov – post-graduate student at Ingush State University.

(**Научный руководитель: Кодзоев Магомед Асланбекович** – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Ингушского государственного университета.

Research advisor: Magomed A. Kodzoev – Candidate of History, Professor at the Department of Russian History, Ingush State University).

Статья поступила в редколлегию 23.03.2015 г.